

Светлана Алешина

Секс, ложь и фото

*Часть сборника
Секс, ложь и фото (сборник)*

Папарацци

Светлана Алешина
Секс, ложь и фото

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Секс, ложь и фото / С. Алешина — «Научная книга»,
2000 — (Папарацци)

«...из коридорчика, ведущего к туалету, выбежала одна из девиц, которые подпирали стену.— Ой, блин, убили, убили, — заголосила она истощенным голосом, показывая в сторону туалетов, — Настюху убили.— Ленка, — детина в камуфляжной форме оторвался от газеты, — кончай орать.— Настю Белову убили, — сказала девица на полтона ниже и приложила ладонь ко рту.— Хватит пургу нести, — недоверчиво сказал охранник, но на всякий случай схватился за дубинку, висевшую на поясе. Наверное, любопытство родилось раньше меня. Оставив Шилкина у гардероба, я двинулась следом за охранником, на ходу снимая с плеча «Никон». Миновав туалет, мы очутились в небольшом закутке, где была лестница, ведущая вверх. На каменном полу лежала девушка лет двадцати, а может, моложе: толстый слой косметики не позволял определить точный возраст...»

© Алешина С., 2000

© Научная книга, 2000

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Светлана Алешина

Секс, ложь и фото

Глава 1

Итак, зима. Настоящая, а не просто календарная. Сегодняшнее утро – ее подлинный образчик: холодная небесная голубизна, ослепительное сияние воинственного солнца, каждый луч которого полосовал сетчатку точно стальным клинком, искрящийся снег, укрывший тротуары и безжизненно-черные ветви, спаленные жгучим морозом оставшиеся от осени редкие листья. В душе стерильная ясность и бесплодная мерзлота. Настроение с утра, сами понимаете, неважное. Конечно, можно было в целях моральной поддержки процитировать: «Мороз и солнце, день чудесный...», но я засомневалась в лечебном эффекте этих божественных строк, наполненных радостным предвосхищением любовного свидания, не имеющего ко мне, увы, никакого отношения.

Под вечер уныние дало течь и подобно мощному «Титанику» погрузилось на дно моей души, дав место для всплытия чувству, с трудом поддающемуся описанию. Во мне забурлило какое-то нетерпеливое, лихорадочное ожидание чуда, как бывает в предновогодний вечер... Я не просто испытывала трепет, меня прямо-таки била нервная дрожь. Чтобы поддержать сумасшедший настрой, это невесть откуда свалившееся на меня «сатори», я включила в машине радио, нашла французскую волну и принялась внимать зажигательно-чувственному шансону. Вдруг дикторша журчащим голоском объявила встречу с именитыми писателями Франции на предмет так называемого страха перед белой страницей.

Ладно, послушаем. Может, лучше успокоиться и не поддерживать дерзкий порыв, который, родившись где-то глубоко в моем сердце, захватил меня, готовый превратить в летучего голландца.

Что же наши французы, труженики пера? Патрик Рамбо стал утверждать, что внезапного вдохновения не существует. Как только у тебя появляется сюжет, ты не перестаешь о нем думать, причем думать со всей конкретностью. Нужно погрузиться в сюжет, имея желание и волю для его развития.

Разумно.

Дальше он трепался на тему вынужденного бездействия, когда вдохновение, которому мудрый Патрик отказал в существовании, не хочет предстать перед ним во всей своей завораживающей наготе. Что же делает наш мэтр? Рецепт прост: он гуляет, смотрит телек, занимается кухней, перечитывает старика Дюма. Спустя час, заверяет Рамбо, или на следующий день все приходит в норму. Работа сдвигается с мертвой точки. И все-таки Патрик признает, что теряется перед первой страницей. Начало повествования определяет дальнейшее развитие, поэтому оно архиважно и сложно. И тут же Патрик отрицает, что испытывает «боязнь белой страницы». Вернее, он разграничивает два понятия: «первая» и «белая». Мой пятнадцатилетний опыт журналиста, утверждает он, позволяет мне пренебречь всей этой романтической сумятицей и смело приступить к работе.

А ты, Бойкова, испытываешь ли ты страх перед белой страницей? Этот вопрос, признаюсь, привел меня в замешательство. Иногда – да, иногда – нет, – только и нашлась я что ответить.

Приветливо светящийся огнями город плыл за окнами моей «Лады». Я почувствовала, что-то радостное, на грани тихой и сладкой истерики, напряжение, заставившее меня включить радио, ослабло. Я взяла с соседнего сиденья бутылку минералки и, сделав несколько глотков, положила ее на место.

Дальше шли выступления других французских писателей, щедро делившихся мыслями о современной литературе. Ив Симон, например, заявив о полной несовместимости любовной горячки с письменной, сказал, что...

Я резко вывернула на Цветочную улицу возле магазина «Провансаль». Плохо освещенная, она казалась хранительницей древней тайны. Душераздирающий визг тормозов и тень, с акробатической легкостью перелетевшая через капот резко стартовавшей в нескольких метрах от меня машины, заставили усомниться в правоте моего инстинктивного порыва. Я уже не слышала, что вещало французское радио.

Если бы не характерный стук тела о поверхность машины, которая исчезла с быстротой молнии, можно было бы воспринять этот прыжок как часть спектакля в театре теней.

Я затормозила. Выскочила из машины и рванулась к лежащему на дороге человеку. Не успела я подбежать, как он принял сидячее положение и стал потирать левую руку. Вблизи мне удалось рассмотреть, что это мужчина лет тридцати пяти в коротком черном пальто.

– С вами все в порядке? – задала я идиотский вопрос.

Мужчина поморщился, но бодро произнес:

– Кажется, да.

На его лице появилась несмелая улыбка, которая по мере того, как он вглядывался в мою озадаченную физиономию, стала приобретать нахальную ширь голливудского оскала.

– Вы прибежали меня спасать? – насмешливо произнес он. – Не стоит беспокоиться.

– Ну как же? – растерянно пожала я плечами. – Вас же чуть не задавили! Давайте я помогу вам подняться.

Я наклонилась и протянула руку.

– Не надо, я сам, – он медленно поднялся – цел и невредим, – улыбка была натуральной.

– Вам невероятно повезло, – я смотрела на него, как на сошедшего с экрана Киану Ривза или Бельмондо.

– Обычное трюкачество, – с небрежной интонацией ответил он.

– Вы полагаете, это случайность?

– Не забивайте себе голову, – он посмотрел на меня, как обычно смотрят уставшие от чудачеств своих пациентов психиатры на очередную жертву раздвоения личности.

Мужчина был чуть выше меня. Шатен. Его худощавая стройность и лукавый прищур определенно нравились мне. Проницательные темные глаза, прямой нос и четко очерченный рот. Суровая мужественная лепка лица, складка между бровями, выступающие скулы и сексуальная припухлость губ лишали его тонкие черты какого бы то ни было намека на смазливость. Он держался уверенно и непринужденно. И, по всей видимости, обладал неплохим чувством юмора.

– Ну что ж, – усмехнулся он, – если уж так все получилось, давайте знакомиться.

Пригладив густые жесткие волосы, он протянул свою пятерню мне.

– Александр.

Я подала руку в ответ. Он бережно взял ее и, галантно наклонившись, поцеловал. Я оглянулась. Пустынная тихая улица была единственной свидетельницей этой полуночной кургузности.

– Ольга. Правда, смешно? – застенчиво улыбнулась я. – Стоим здесь...

– Ну и что, не разбились, слава богу. – Александр поглядел на часы. – Половина первого. Вы всегда так поздно ездите?

– А вы всегда так поздно гуляете? – в тон ему спросила я.

Он пожал плечами и отрешенно уставился в дальний конец улицы.

– Я еду от подруги, – тихо проговорила я, – а здесь вдруг такое! Вас определенно кто-то хотел убить.

– Да бросьте, – выйдя из задумчивости, он с беззлобной насмешкой посмотрел на меня и снова потер левую руку, – кому я нужен?

– Что у вас с рукой? – обеспокоилась я.

– Открытый перелом со смещением, – пошутил Александр.

– А что, если нам поехать ко мне? – смело предложила я. – Надо все-таки обследовать вашу руку.

– Спасибо за заботу, но не стоит хлопот, хотя... – Он напряженно вглядывался в окрестную тьму, будто думал увидеть что-то.

– Машина двигалась с незажженными фарами, – озабоченно сказала я, – вы не догадываетесь, кто это мог быть?

– А что, давайте где-нибудь выпьем, – вместо ответа предложил Александр, – бар «Грива» должен еще работать.

– Я не пью за рулем, – с сожалением произнесла я, – но чашка кофе мне не повредит!

Я заулыбалась как последняя идиотка.

– Отлично, – просиял Александр, – вы отважитесь взять на борт такого опасного пассажира, как я? – улыбнулся он.

Улыбка, надо сказать, была его коньком. Какая масса оттенков! Она составляла львиную долю его обаяния. Ему вполне можно рекламировать какой-нибудь «Орбит Уинтефреш» или «Блендомед-комплит».

– Мне ничего не остается делать, – с юмором отозвалась я, – прошу.

Я сделала гостеприимный жест, немного напоминающий пас тореадора: слегка нагнулась, обе руки отвела влево. Александр тут же оценил всю комичность моего движения.

– Вам не хватает только бархатной тряпки – и можно на арену. Думаю, особых манипуляций, чтобы победить быка, вам не потребуется. Он бы замертво упал, не в силах устоять перед вашей красотой.

– Красота – страшная сила, – засмеялась я, – только я не такого высокого мнения о себе, как... – Я запнулась в смущении.

– Как окружающие мужчины, – помог закончить фразу мой новый знакомый.

– Вот, вот, – я лукаво посмотрела на него.

Мы сели в машину и направились в сторону центра.

– Вы увлекаетесь французским шансоном? – спросил Александр.

В салоне звучала задыхающаяся от нарастающего волнения песня из «Шербурских зонтиков» в исполнении Азнавура.

– До того как стать свидетельницей вашего акробатического трюка, я питала надежду услышать нечто подобное – щемяще-нежное или мажорное. Но передавали встречу с писателями...

– Вы понимаете по-французски?

– И по-английски тоже...

– Переводчик, – предположил Александр, который, вежливо испросив у меня разрешения, дымил в салоне.

– Не угадали, – лукаво улыбнулась я, – фотокорреспондент в одной из тарасовских газет.

– В какой? – заинтересовался Александр.

– Секрет. – Я остановила машину у светофора. – Так куда мы едем, в «Гриву»?

– А что?

– Просто мне кажется, не совсем спокойное место, – засомневалась я, – там же...

– Полно всяких неотесанных типов и проституток? – с вызовом спросил Александр.

Я только пожала плечами.

– Ну, если вы не хотите, – надулся он, – тогда высадите меня у перекрестка.

– Но ведь можно подыскать что-нибудь...

– Предпочитаю злачные заведения, – резко произнес Александр, – я лишен предрассудков и плюю на ханжескую мораль, стерильные рестораны не по мне. В них есть все: хорошая кухня, сервис, приличное общество, атмосфера интима... Все, кроме жизни. А я гоняюсь именно за ней!

Последнюю фразу он выговорил с каким-то ожесточением.

– Гоняетесь за жизнью? – я с недоумением взглянула на него.

– За впечатлениями, за эмоциями... – более спокойно произнес он.

– Тогда понятно, почему на вас наехали, – многозначительно улыбнулась я, – а чем, если не секрет, вы в этой жизни занимаетесь?

– Я – фотограф, ваш коллега, – он скосил на меня свои карие глаза.

– Вот так да! – воскликнула я с детской непосредственностью.

Александр засмеялся.

– Кстати, – сказал он, – я совсем недавно побывал на выставке некоей Боковой... Помоему, правильно. «Бремя страстей человеческих». Некоторые фото меня просто потрясли. Хотелось бы познакомиться с автором, но не нашлось времени. Я должен был лететь в Прагу.

– Бойковой, – поправила я.

– Что? – не понял Александр.

– Фамилия той фотохудожницы, чьи работы вы оценили, – Бойкова.

– Возможно, – меланхолично отозвался Александр, – вы с ней знакомы?

– Теперь и вы с ней знакомы – это я.

Он удивленно посмотрел на меня.

– Не может быть!

– Может. В жизни, за которой вы гоняетесь, все может быть. Только как же удастся гоняться за тем, частью чего являешься, пребывая словно в глубине вечного моря?

– Вечного моря... – задумчиво произнес Александр, – это вы хорошо сказали: вечное море.

У него был отсутствующий вид. Вообще меня поражали та легкость и быстрота, с которыми живая улыбка на его подвижном лице сменялась задумчиво-отрешенным выражением. В нем были и простота, и сложность. Эти качества смешивались в таких диковинных пропорциях и порождали такие неожиданные, подвластные множеству истолкований реакции, что я терялась в догадках: что это – проявление его наплевательского отношения к себе подобным или природная застенчивость, ранимость, заставляющая иной раз выражаться с такой резкостью? В общем, эта гремучая смесь будоражила мое воображение, пробуждая во мне, как в исследователе человеческих душ, живой интерес.

– Вы завсегда в «Гриве»?

– Ну, как вам сказать, – продолжал «отсутствовать» Александр, – что-то вроде... Хотя... Скорее нет. Захожу иногда пропустить рюмочку, поболтать с посетителями. Там собирается преинтересная публика.

– Богема?

– И богема тоже. Всякий сброд. Мне это нравится. Думаю, и вам будет интересно. Найдете материал для следующей выставки.

– Не исключено, – улыбнулась я.

Я затормозила у старинного двухэтажного особняка, в подвальном помещении которого размещался кафе-бар «Грива». Рядом стояли еще две машины: старенькая «Мазда» и видавший виды «Ситроен». Перекинув через плечо ремень «Никона», с которым старалась не расставаться ни при каких обстоятельствах, я подождала, пока Александр выберется из машины. Нажав на кнопку брелока, заблокировала дверцы.

У входа в кафе о чем-то горячо спорили два подвыпивших или обкуренных подростка, одетых, несмотря на холод, только в джемперы.

«Вышли подышать свежим воздухом», – подумала я и, обойдя их, стала спускаться по длинной мрачной лестнице, освещенной одной-единственной лампой.

Александр, держа руки глубоко в карманах пальто, неторопливо шел следом. Когда я открыла дверь и очутилась в холле, передо мной оказалось довольно уютное просторное помещение с мягкими кожаными диванчиками. С одной стороны был гардероб, возле которого, оперевшись спиной о стену, курили две девицы в черных супермини, с другой – узкий коридор, ведущий к туалетным комнатам. У входа в зал скучал детина в камуфляжной форме с резиновой дубинкой на поясе.

На одном диванчике, стоявшем неподалеку от стойки гардероба, развалился нагловатого вида симпатичный парень лет двадцати пяти в черном кожаном пиджаке нараспашку. Он сидел с отрешенным видом, словно ждал кого-то. На стенах из красного кирпича висели несколько зеркал в бронзовых рамах, между которыми были наклеены рекламные плакаты и афиши, одна из которых извещала о скором приезде в Тарасов Ванессы Мэй. Билеты, как явствовало из наклеенного на афишу объявления, можно было приобрести тут же в гардеробе.

Пока мы раздевались, распахнулись двери, ведущие в зал, и оттуда выбралась хорошо подвыпившая компания. Две совсем молодые девицы в точно таких же мини, как у куривших в холле, поддерживая под руки двух ребят, направились к гардеробу.

– Марго, – подозвал одну из них красавчик в кожаном пиджаке. – Ты ничего не забыла?

– Сейчас, Дени, – отозвалась Марго.

Мы с Александром были уже у входа в зал, но я успела заметить, как девица, прислонив своего кавалера к стеночке, открыла сумочку и, достав что-то оттуда, сунула в руку парню.

Большой зал, пол которого был выложен голубой и белой плиткой, напоминал колониальное бунгало и современный офис солидной адвокатской конторы одновременно. Помещение освещалось причудливой формы бра, закрепленными над столами из искусственного камня, напоминавшего мрамор. Их терракотово-бежевая поверхность гармонировала с плетеными креслами, на которых лежали мягкие пестрые подушки. Столики отделялись один от другого остролистыми пальмами в деревянных кадках.

Бар был полон, из дюжины столиков свободными оказались только два или три, но мы, миновав их, прошли к стойке. Я посмотрела на банкетки, опасаясь за их устойчивость.

– Привет, Пахом, – словно старому знакомому кивнул Александр бармену. – Налей-ка martini и чашечку кофе.

– Давненько к нам не заглядывал, – сказал Пахом, ставя перед Александром бокал. – Как успехи?

– Нормально, – отозвался мой спутник, оглядывая зал. – У вас как?

– Да что у нас, – поморщился Пахом, наполняя бокал со льдом светло-желтой жидкостью, – все одно и то же. Кстати, твой «Полароид» у меня. Заберешь?

– Потом, – отмахнулся Александр.

Пахом пододвинул martini Александру и принялся за кофе. За стойку со стороны Александра подсел невысокий мужчина лет сорока. Его русые волосы были выбриты полосками, сзади торчала тоненькая косичка.

– Пришел отдохнуть? – Он оперся о стойку и посмотрел на меня. – А это новая моделька? Хороша, ничего не скажешь!

– Отвали, Вован, – локтем отодвинул его Александр. – Набрался уже?

– Так ведь ночь на дворе, – продолжая пялиться на меня, ответил Вован. – Посиди здесь с мое, тоже наберешься.

– Кончай трепаться, – с раздражением произнес Александр и повернулся ко мне. – Пойдем за столик.

Я не возражала, тем более что кофе уже приготовили. Расположившись за столиком, я принялась разглядывать отдыхающих. Здесь были люди в основном молодого возраста, начи-

ная от студентов и кончая людьми типа Вована – без определенного рода занятий, которые проводят здесь большую часть времени, находя на это деньги только известными им путями. Я сделала маленький глоток кофе, удивительно крепкого и ароматного, и достала пачку «Винстона». На столах стояли пепельницы, здесь можно курить. Впрочем, это было очевидно – под сводом потолка плавали клубы сигаретного дыма.

– Уверена, что не хочешь чего-нибудь покрепче? – посмотрел на меня Александр.

– Уверена, – ответила я. – А здесь не так плохо, как я себе представляла.

– Сюда заходят довольно интересные типчики, – улыбнулся Александр, потягивая мартини.

– Можно узнать, где ты работаешь?

– Я свободный художник, – улыбнулся Александр и шутливо добавил: – В профсоюзе не состою, беспартийный, не женат, не участвовал, не привлекался... и тэ дэ, и тэ пэ.

– Понятно, – кивнула я. – А на что же, извини за нескромный вопрос, живут беспартийные свободные художники? Впрочем, можешь не отвечать.

– Ну почему, – он сделал несколько больших глотков, – никакого секрета в этом нет. Я уже выпустил несколько альбомов своих фотографий. Сейчас готовлю еще, а один скоро выйдет из печати.

– Не боишься за качество полиграфии?

– Альбом печатается в Финляндии.

– Ого, солидно.

– Да, – кивнул он, – не хочу, чтобы из-за печати терялось качество фотографии. Это ведь одна из составляющих хорошей работы. Да ты же сама фотограф.

– Ну, я только начинающий. Мне еще многому нужно учиться.

– У тебя есть замечательные снимки, – с воодушевлением сказал Александр. – Серия «Казино», например... А портрет старика... В нем чувствуется такая глубина. Никогда бы не подумал, что автор этой работы – такая молодая красивая девушка.

– Ты меня перехвалишь, – смутилась я и закурила новую сигарету, – лучше расскажи о себе. Ты давно занимаешься фотографией?

– Пользоваться аппаратом научился в школе, а вот снимать по-настоящему начал лет восемь назад. Хочешь посмотреть мои работы?

– Это было бы здорово, – обрадовалась я. – А где?

– У меня, конечно. Можем поехать прямо сейчас. Хотя, – он задумчиво посмотрел на часы, – минут через двадцать. Мне нужно встретиться с одним человеком.

Предложение оказалось неожиданным. Ночной визит к малознакомому мужчине не был у меня запланирован. «Визит в бар у тебя тоже не был запланирован, – сказала я себе, – но ты в баре. Ладно, там видно будет. В конце концов, у тебя есть газовый пистолет, на всякий пожарный...»

Александр как будто и не ждал от меня ответа. Он был задумчивым, если не сказать отрешенным. Потом извинился, подошел к барной стойке, о чем-то спросил Пахома и направился к выходу. Тут же к нашему столику подсел Вован.

– Не помешаю? – вперил он в меня бесцветные глаза.

– Здесь занято, – с раздражением ответила я.

– Да ты не думай, – «успокоил» меня Вован, – я Сашку Шилкина сто лет знаю. Хочу кое-что у вас спросить, – он замялся, пытаясь, как мне показалось, подобрать подходящие слова.

– Может, в другой раз, – предложила я, надеясь таким образом избавиться от назойливого завсегдатая.

Но не тут-то было.

– Ты не девушка легкого поведения, – весело произнес он, пытаясь заглянуть мне в глаза. – Нет, вы не обижайтесь, этих я знаю. У них на лице ровным счетом ничего не написано.

Вот свалился на мою голову, физиогномист несчастный. Знаток. Как говаривал Остап Бендер, таких знатоков нужно убивать из рогатки.

Я не стала реагировать и, поднявшись, прошла к барной стойке.

– Еще кофе, пожалуйста.

Кроме невинной просьбы была у меня еще и надежда, что Вован за это время подыщет какой-нибудь другой объект для беседы. Но через считанные минуты он присоединился ко мне у стойки.

– Пахомыч, – довольно трезвым голосом сказал он, – сотвори-ка мне коктейльчик какой. Не слишком крепкий. Вы от меня не бегайте, – повернулся он ко мне, – я ведь действительно хочу знать...

– Послушайте, Вован, не знаю, как вас там по отчеству, – не выдержала я, – если будете ко мне приставать, я вас застрелю.

– Да, – усмехнулся он, – вы девушка с чувством юмора. Это сейчас большая редкость. Все эти ночные бабочки... У них на уме только как бы подхватить клиента с лопатником, распираемым от валюты...

Я не стала слушать его спич и с чашкой кофе пошла за свой столик. Вован направился за мной, но передумал. Причиной его поспешной ретировки было появление в конце зала Шилкина.

Фамилия Александра была мне знакома. Я только сейчас осознала, с кем сижу за одним столиком. Работы Шилкина выставлялись и в России, и за границей. Из статей, которые мне довелось прочесть о нем, я помнила немного. Он не давал интервью, жил уединенно в каком-то загородном доме, часто бывал в Париже, Праге и Хельсинки. В общем, он был знаменитостью.

– Скучаешь? – Александр сел за столик и залпом осушил остатки мартини.

В его глазах был какой-то таинственный блеск, впрочем, мне могло и показаться в свете новых сведений, всплывших в моей памяти.

– Нет, веселюсь, – пробормотала я, прикуривая сигарету. – Твой старый приятель развлекал меня во время твоего отсутствия.

– А, Вован, – усмехнулся Шилкин, – оригинальная личность. Мы с ним вместе в МАрХИ учились. Я, правда, до диплома не дотянул, ушел на вольные хлеба после третьего курса, а он закончил. Правда, по специальности тоже ни одного дня не работал.

– А чем он занимается? – поинтересовалась я, глядя, как у выхода маячит его невысокая фигура.

– Сейчас он мастер тату, – объяснил он, – у него здесь неподалеку кабинет. А раньше чем только ни занимался... Пожалуй, я еще выпью, – добавил Шилкин и направился к стойке.

– Слушай, Саша, – сказала я, когда он вернулся с новым бокалом мартини, – ты действительно уверен, что не хочешь заявить о том, что произошло сегодня?

– А что произошло? – спросил он. – Ну, что тебя сбила машина. Кажется, «шестерка». Может, нужно попробовать разыскать ее.

– Да я уже и думать об этом забыл, – улыбнулся Александр. – Просто был пьяный водитель, решил покуражиться. Хорошо, что я вовремя его заметил и успел подпрыгнуть, а то бы остался калекой.

– Вот видишь, – беспокоилась я по-настоящему, – а если он еще на кого-нибудь наедет?

– Он уже давно спит, если не въехал в какой-нибудь забор или стену дома. Нет, это нереально.

– Я не разглядела, какого она была цвета. Кажется, серого? – я вопросительно посмотрела на Шилкина.

– Не знаю, как-то не до того было.

Несколько минут мы сидели молча.

– Ну что, пошли, – предложил Александр и, не дожидаясь ответа, поднялся с кресла.

– Ты встретил своего знакомого?

– Он не придет, – уверенно произнес Шилкин.

Я надела на плечо «Никон» и сумочку и направилась к выходу. Охранник, уткнувшись в газету, одиноко сидел в холле. Шилкин помог мне одеться и стал надевать пальто, когда из коридорчика, ведущего к туалету, выбежала одна из девиц, которые подпирали стену.

– Ой, блин, убили, убили, – заголосила она истошным голосом, показывая в сторону туалетов, – Настюху убили.

– Ленка, – детина в камуфляжной форме оторвался от газеты, – кончай орать.

– Настю Белову убили, – сказала девица на полтона ниже и приложила ладонь ко рту.

– Хватит пургу нести, – недоверчиво сказал охранник, но на всякий случай схватился за дубинку, висевшую на поясе.

Наверное, любопытство родилось раньше меня. Оставив Шилкина у гардероба, я двинулась следом за охранником, на ходу снимая с плеча «Никон». Миновав туалет, мы очутились в небольшом закутке, где была лестница, ведущая наверх. На каменном полу лежала девушка лет двадцати, а может, моложе: толстый слой косметики не позволял определить точный возраст. Рядом с ней валялась маленькая коричневая сумочка и ярко-зеленое пальто.

Детина был в замешательстве. Я сделала несколько снимков и склонилась над девушкой. Взяла ее за запястье, пытаюсь нащупать пульс. Ее короткое трикотажное платье сильно задралось, и я одернула его.

– Ну что уставился? – Я повернулась к детине. – Вызывай «Скорую» и милицию.

– Она и правда того?.. – боязливо поинтересовался охранник.

– Не знаю, – зло сказала я, – давай быстрее.

– Надо дяде Сереже сначала сказать, – пробормотал детина и поплелся к холлу.

«Какой еще дядя Сережа?» – подумала я и, достав из сумочки «моторолу», сама вызвала «Скорую» и милицию. Похоже, Настя была действительно мертва. Я заметила у нее багровые синяки, словно зловещее ожерелье обернуло шею. Кто-то задушил ее. Мне показалось, что на меня смотрят. Я резко обернулась и увидела Шилкина. Но смотрел он не на меня, а на распростертый на холодном полу труп. Выражение его глаз заставило меня съежиться.

– Ты меня напугал, – сказала я, выпрямляясь.

– Эх, Настя, – не замечая меня, произнес Шилкин.

– Ты ее знал? – Я сделала шаг по направлению к Александру.

Он словно очнулся и перевел взгляд на меня.

– Ты что-то сказала?

– Ты был с ней знаком? – повторила я свой вопрос.

– Да, – Шилкин кивнул и, резко развернувшись, пошел по коридору.

Глава 2

Я осталась у лестницы, но через несколько секунд рядом со мной очутился гардеробщик – молодой парень с черными усиками, прихрамывающий на левую ногу. Следом за ним подошел шатен лет сорока в коричневом костюме и черной майке. Его можно было принять одновременно за мента и уголовника. Он был высокого роста, плотный, с короткой стрижкой с бачками. Полноватое лицо с крупным носом и пухлыми губами было сердитым и возбужденным. Его можно было бы назвать красивым, если бы не холодный блеск ореховых глаз. Я вспомнила, что видела его в зале – он сидел через столик от нас с Шилкиным.

– Кто обнаружил труп? – громко спросил он. – Ты, Кирилл? – его взгляд остановился на хромом.

Гардеробщик молчал, тогда шатен посмотрел на меня.

– Ты, что ли? – грубо бросил он.

– Вы что, из милиции? – проигнорировала я его вопрос.

– Отвечай, когда тебя спрашивают. – Он шагнул навстречу и грозно посмотрел на меня.

– Мама не велела мне разговаривать с незнакомыми мужчинами, – съязвила я, хотя мне было страшно. Что поделать, козорожье упрямство не давало мне покоя.

– Я старший следователь прокуратуры, майор Волков, – выдавил он.

– Очень хорошо, – улыбнулась я, достала из сумочки блокнот и записала его данные, – Ольга Юрьевна Бойкова, фотокорреспондент еженедельника «Свидетель». Только труп обнаружила не я.

– Кто обнаружил? – Он посмотрел на Кирилла, обескураженный моим заявлением.

– Дюкова Оксана, – нехотя ответил Кирилл.

– Где она?

– Была в холле, – буркнул гардеробщик и направился к коридорчику, – вы же мимо нее прошли.

– Товарищ майор, – повернулась я к Волкову, – а вы здесь по работе или отдыхаете?

– Я всегда на работе, – сурово бросил он и крикнул вслед прихрамывающему гардеробщику: – Кирилл, давай сюда Дюкову и вызови милицию.

– Милицию я уже вызвала, – невозмутимо сказала я.

– Ольга Юрьевна, кажется, – майор с раздражением посмотрел на меня, – вам не пора домой, к маме?

– Ну что вы, товарищ майор, – сыронизировала я, – такой горячий материал.

Я вышла в холл и огляделась. Шилкина нигде не было видно. Охранник нервно прохаживался возле дверей, Дюкова, размазывая тушь по щекам, шла к майору, красавчик Дени исчез, когда мы с Шилкиным вышли в холл.

– Извините, – обратилась я к гардеробщику, занявшему свое место, – вы не видели, где мужчина, который был со мной?

– Александр, что ли? – сочувственно посмотрел на меня Кирилл и пожал плечами, – ушел, наверное.

В это время открылась входная дверь, и в холле появился человек с тупым выражением на лице. На нем была короткая дубленка нараспашку, надетая на спортивный костюм. Круглая, как шар, голова с ежиком жестких седых волос, бульдожья шея, утопающая в складках, лоснящихся от жира.

– Где? – только и спросил он у детины, сразу бросившегося к нему.

– Там, дядя Сережа, – детина показал в сторону коридорчика.

Я поняла, что это кто-то из начальства, скорее всего владелец этого ночного заведения. Пристроившись за ним, я снова очутилась в закутке рядом с лестницей.

– Когда она пришла? – майор вперил тяжелый взгляд в Дюкову.

– Не помню, – та еще растирала слезы, – минут сорок назад.

– Она что, не работала сегодня? – продолжал майор.

– Не знаю, я сегодня ее не видела.

– Где Денис, черт возьми?

Наверное, он спрашивал про красавчика Дени. Дюкова едва сдерживала рыдания.

– Не знаю, он ушел, мне ничего не сказал.

– Привет. – Дядя Сережа хмуро кивнул Волкову, пристально смотревшему на него. – Что, опять?

– Иди пока, – разрешил Волков Дюковой, – только далеко не уходи. Это уже вторая, Сергей, – показал на лежащую на полу девушку Волков, – придется, наверное, на время прикрыть твое заведение.

– Ладно, кончай, Николай Васильевич, – ты же знаешь, что это не только у меня, вон и в «Коньке-Горбунке», и в «Руси» было такое... Что, нас всех теперь закрыть?

– Но две подряд только у тебя, – возразил майор.

– погоди, не торопись, – зашептал дядя Сережа, – договоримся как надо. За мной не заржавеет, ты меня знаешь.

Я стояла за спиной дяди Сережи, и ни он, ни Волков меня не замечали. Но, когда дядя Сережа шагнул к майору, мое место укрытия было обнаружено.

– Вы еще здесь, Ольга Юрьевна? – еле сдерживая ярость, спросил Волков.

Я не успела ему ничего ответить, потому что в это время в коридорчике раздался топот тяжелой обуви и у лестницы в сопровождении охранника появились несколько человек в милицеских бушлатах.

Молодой офицер, старший по званию среди прибывших, обратился к Волкову:

– Капитан Ерофеев. Что у вас здесь?

Волков представился.

– Похоже, ее задушили.

Рассудив, что мне здесь делать больше нечего, я, стараясь не привлекать внимания, покинула закуток, где стало слишком тесно. Выйдя в холл, я села на диванчик и закурила. Где же Шилкин? Почему он так внезапно исчез? Если уехал домой, то почему ничего не сказал мне? Со стороны коридорчика появилась Дюкова. Она привела в порядок лицо и наложилла свежий макияж. Подойдя к диванчику, она плюхнулась рядом со мной и, закинув ногу на ногу, достала сигарету.

– Огоньку не найдется? – как ни в чем не бывало спросила она, держа руку с сигаретой на отлете.

Я молча протянула ей зажигалку. Ей было не больше двадцати, но боевая раскраска прибавляла ей лет пять-шесть.

– Видела тебя с Шуриком, – сказала она, прикурив. – Ты давно с ним?

– Только сегодня познакомилась, – растерянно ответила я.

– Похоже на него, – ухмыльнулась Оксана, манерно выпуская в потолок струю дыма. – Он уже показывал тебе свои работы?

– Ты его знаешь? – спросила я в ответ.

– Мы его все знаем, – загадочно произнесла она.

– Знаешь, где он живет? Мне нужно его увидеть.

– Что, слинял? – Она развернулась в мою сторону. – Могу показать, только не сейчас, мне еще показания давать.

– Настя была твоей подругой? – поинтересовалась я.

– Можно и так сказать, – кивнула Оксана, – подруга по несчастью.

– То есть? – Я с недоумением посмотрела на свою собеседницу.

– Ты что же думаешь, дежурить тут по ночам и рисковать жизнью – милое занятие? – с вызовом спросила она.

– Я вообще ничего не думаю. Чтобы человек задумался о судьбе другого, он должен хотя бы на краткое мгновение представить себя на месте этого человека...

– Вот и я про то же, – с фамильярной небрежностью произнесла Оксана.

– Но мне очень, очень трудно представить себя...

– Проституткой? – резко спросила она.

– Да. – Я отвела глаза в сторону, – конечно, я могу вообразить, с каким риском и...

– Все вы, благочинные да благопристойные барышни, привыкли изъясняться намеками. Да не бойся, я уже разучилась обижаться на таких, как ты, моральных дамочек, – с горькой иронией произнесла Оксана, продолжая пускать дым в потолок, – с меня довольно сутенеров да ментов.

– Денис – твой сутенер? – решила я пополнить запас знаний подробностями из жизни местных ночных бабочек.

– Да, он классный парень, – оживилась Оксана. – Я ведь раньше по вызову работала, приходилось с разными сутиками общаться. Ну и мерзкий народец, скажу я тебе. А Дениса можно героем назвать. Он не дает в обиду своих девочек. Конечно, и наказать может, в морду плюнуть, пощечину дать или ногой пнуть, но другим в обиду не даст.

– У него, наверное, «крыша» неслабая, – предположила я.

– Это нас не касается. Главное, что он пока для нас господин. С голоду пропасть не даст. Тоже, конечно, с загонами... Но вот Настька трепак подцепила, так он ее деньгами поддерживал, на лекарства, на жрачку давал. Лишь бы поднять девку, – с горячностью, на драматическом подъеме вещала Оксана.

«Поднять, чтобы та снова могла на него работать», – мысленно прокомментировала я великодушное поведение сутенера.

– А с Шилкиным ты как познакомилась? – «наивно» спросила я.

Оксана улыбнулась, а потом заливисто рассмеялась. Но вовремя осеклась. Обстановка не располагала к подобным проявлениям чувств. Она одарила меня долгим недоверчивым взглядом, в котором были и любопытство, и немой вопрос. В общем, посмотрела на меня, как на глупую девчонку, которая все еще пребывает в счастливой и безмятежной уверенности, что детей приносит аист.

– А ты че, не понимаешь? – Ее глаза излучали лукавство.

– Он пользовался твоими услугами?

– Наконец-то! – еле подавила смешок Оксана, – но не только, – с гордым и таинственным видом произнесла она, – девочки, в том числе и я, работали у него в качестве фотомоделей.

– Не понимаю, – искренне удивилась я.

– Ну, он нас снимал, – с застенчивой улыбкой сказала Оксана.

Эта улыбка скрадывала так уродовавший ее лицо макияж.

– Сначала снимал, а потом... Он один из лучших клиентов, – ее детская непосредственность подкупала и смешила.

– И что же он делал с этими фото?

– Увеличивал, говорил, что хочет собрать их всех в один альбом.

– Смелый и благородный шаг.

– Он хочет, чтобы в нас видели не проституток, а людей, – неуклюже выразилась Оксана.

– Фотомоделей, – уточнила я, – без ссылок на профессию.

– Угу, – с некоторой обидой на мое уточнение сказала Оксана.

А может, это бессознательное отвращение к древнейшей профессии говорит во мне, мое ханжеское воспитание? Шилкин, наверное, посмеялся бы надо мной. А при чем тут Александр? Он что, гуру? Откуда все-таки чувство, нет, какая-то инстинктивная уверенность в том,

что этот человек, неординарный в своих проявлениях, становится для меня воплощением того подлинного и непоколебимого, к чему я всегда стремилась? Не сотвори себе кумира, Бойкова, – пригрозила я себе и снова обратилась к собеседнице:

– Интересный тип, так ты обещаешь помочь мне его найти?

– Если хочешь, запиши мой адрес и телефон. Мичурина пятнадцать, квартира три. Я живу там с подругой. Ее зовут Рита. Если она возьмет трубку, спросишь меня.

Я достала записную книжку и ручку. Оксана продиктовала телефон.

– Огромное тебе спасибо, – искренне поблагодарила я.

– Чего уж там, – великодушно махнула рукой Оксана, – чао.

Я вышла из бара в полной сумятице чувств. Неприятный осадок, оставшийся в моей душе от криминального происшествия, нейтрализовали наполненные житейской философией мысли.

В мире, где все скрупулезно высчитывается и просчитывается, невероятно ценна искра настоящей человеческой теплоты, той, о которой мечтал Сент-Экзюпери. Не важно, от кого она исходит и кому адресуется. Проститутки, маргиналы, тети с авоськами... О чем это я? Как только ты пытаешься подобрать слова для какого-то откровения, они испаряются, вместо легкой пыльцы тысячи восторгов и признаний остается рыхлый песок противно хрустящих на зубах затасканных слов.

Я нажала на педаль акселератора и рванулась осваивать унылые просторы ночного города. Мой путь лежал домой.

* * *

На сегодняшний вечер это было не все. В подъезде меня ждал маленький полуторамесячный котенок. Пушистый полосатый комочек. Он не пищал, просто сидел около лифта и умно так смотрел на меня. Ну не оставлять же его в холодном подъезде!

– Ну-ка, – шутливо скомандовала я, беря его в руки, – полезай за пазуху. Усатое чудо сразу оценило уютное тепло моей шубы и благодарно замурлыкало. Такая благодарность растрогала и рассмешила меня. Скиталец был принят на ПМЖ в мой дом.

«Будет постоянный собеседник», – подумала я, вставляя ключ в замочную скважину.

Дома я определила половую принадлежность своей находки. Это была кошечка. Жаря картошку, я размышляла над тем, как назвать мою новую подружку. И наконец выбрала ей благозвучное итало-французское имя: Матильда. Я читала о кошках и знала, что существует некий дикий кот манул, который водится в камышовых зарослях. Расцветка котенка напомнила мне о нем. Поэтому тут же было придумано и отчество: Матильда Мануловна.

Матильда, сокращенно Матя, уминала творог. Поужинав, я завалилась в постель. Мануловна свернулась клубочком на моей груди и завела свой томный шансон. Мур-мур, мур-мур...

Глава 3

Завтрак мой являлся промышленно-экономическим «бестселлером» девяностых: стакан куриного бульона «Галина Бланка» и йогурт «Даниссимо». «Галина Бланка» всегда выручала меня в безвыходных ситуациях, когда полки холодильника щерились металлически холодной пустотой. Мне достаточно было вспомнить, что в буфете мирно дремлет моя «курочка», моя испанская «цыпонька», чтобы почувствовать облегчение и понять, что голодной я не останусь.

Покормив Матильду, я быстро оделась и, прихватив сумку и фотоаппарат, выбежала из квартиры. Шубу я оставила скучать на вешалке в прихожей. На мне был светлый каракулевый пиджачок, серые брюки и удобные изящные ботинки.

Я на все сто была уверена, что мой заместитель Кряжимский Сергей Иванович уже в редакции. Войдя в приемную, я бодро поздоровалась с Мариной, нашей чудо-секретаршей, и, раздевшись в своем кабинете, отправилась к Кряжимскому. Я нашла его попивающим утренний кофе у себя за столом. Перед ним, как обычно, синел экран монитора, информацию с которого он бегло считывал.

– А, Оленька, – галантно поднялся он из-за стола, ибо не был брюзжащим типом средних лет, без конца вспоминающим свою героическую молодость и бранящим все молодое и задорное. Сергей Иванович являл собой образец мудрого жизнерадостного интеллигента, правда, немного помешанного на морально-нравственной тематике и потому иногда казавшегося занудным ретроградом, – номер практически готов.

– Очень рада. – Я приземлилась в кресло.

– Что-то ты сегодня возбужденная... – Он лукаво посмотрел на меня из-за стекол очков в металлической оправе.

– Ничего-то от вас не скроешь, – шутливо покачала я головой, – у меня к вам, Сергей Иванович, просьба имеется.

– Какая-такая просьба? – подхватил мой шутливый тон Кряжимский.

– Мне нужно навести справки об одном человеке...

У Кряжимского были обширные связи и знакомства в самых разных кругах. Я не раз обращалась к нему с просьбой раздобыть информацию о том или ином интересующем меня субъекте. На этот раз я назвала ему имя моего вчерашнего знакомого.

– Шилкин? – переспросил Кряжимский. – Это фотохудожник?

– Ага, – кивнула я, заливая содержимое пакетика «три в одном» кипятком из чайника.

– Загадочная личность, – произнес Сергей Иванович, – или стремящаяся быть таковой, как Пелевин среди литераторов.

– Интересное сравнение, – сказала я, помешивая ложечкой в чашке. – Пелевина довольно занятно читать, иногда даже бывает смешно, но через день уже не помнишь ничего, кроме названия книги. Вы имеете в виду, что Шилкин – это мыльный пузырь?

– Я имел в виду не его работы, – возразил Кряжимский, – а то, как он держится, пытаюсь создать вокруг своей личности этакий ореол таинственности.

– А его работы вы видели?

– Он у нас почти не выставляется, только в Москве и за границей, но я слышал, что у него вышло несколько фотоальбомов.

– Не видели, значит, – сделала я вывод.

– Не видел, – сознался Кряжимский, – но посмотрел бы, хотя бы из любопытства. А что конкретно ты хочешь о нем узнать? И откуда вдруг такой интерес?

– Я вчера возвращалась домой, уже за полночь было, – принялась я пересказывать свое приключение, – свернула на Цветочную улицу и увидела, как машина сбила человека. Сбила и умчалась. Я, как добрый самаритянин, остановилась – думаю, может, помощь нужна. На его

счастье, а это, как вы, наверное, уже догадались, был тот самый Шилкин, он успел среагировать на машину и отделался легким ушибом.

– И ты с ним познакомилась? – перебил меня прозорливый Кряжимский.

– Познакомилась, но фамилию его узнала уже после, в баре, куда мы заехали промочить горло.

– Я всегда говорил, – начал занудничать Кряжимский, – что ты сама ищешь приключений на свою...

– ...задницу, – закончила я за него, видя, что он замялся. – Но я ничего не искала, просто заехала выпить кофе.

– С первым встречным, которого подобрала в буквальном смысле на дороге. Наверняка мы были в какой-нибудь забегаловке.

– Нет, – соврала я, – это вполне приличный бар в центре города.

– Приличные бары в такое время суток не работают, – продолжал журить меня Кряжимский.

– Сергей Иванович, – я подняла руки, – сдаюсь. Вы как всегда правы, но если вы будете продолжать в том же духе, я не расскажу вам про убийство.

– Господи, – Кряжимский всплеснул руками, – этого ты, конечно, не могла пропустить. Что еще за убийство? Будем ставить в номер? На небольшую записочку можно найти место, выкинем статью о безработных, например.

– Не трогайте безработных, Сергей Иванович, – я достала сигарету, – им и так не сладко. Убили проститутку, в коридоре под лестницей. Молодая совсем девчонка, – с горечью произнесла я.

– Где это произошло?

– В баре, где мы пили кофе – в «Гриве».

– Говорил же я – забегаловка, – довольный своей так быстро подтвердившейся догадкой, воскликнул Кряжимский. – Ладно, что дальше?

Он потер подбородок.

– Я познакомилась с подругой убитой. Составила представление о хозяине заведения, познакомилась со старшим следователем прокуратуры, чудом оказавшимся там же. Какая же это, посудите, забегаловка, когда там такие милицейские чины сидят? – Я с добродушной усмешкой посмотрела на внимавшего мне зама.

– А Шилкин?

– Исчез. Вернее, ушел по-английски.

– Это в его духе, – понимающе улынулся Сергей Иванович.

– Вы говорите так, словно лично с ним знакомы, – с насмешкой сказала я.

– Не знаком, но, исходя из информации, которой располагаю, нетрудно предположить, что это именно его способ оставлять все как есть, – витиевато выразился Кряжимский.

– Так что вы еще можете добавить к тому, что он – фотохудожник с подмоченным репутацией?

Теперь уже я стала проявлять признаки нетерпения.

– Мне нужно время, только я не пойму, зачем этот Шилкин тебе понадобился?

Он пристально посмотрел на меня и тут же растекся в слащавой улыбочке, полной прозрачного намека.

– Личное?

– А если даже и так? – с вызовом сказала я.

– Через пару часиков, – дружелюбно произнес Кряжимский, – я думаю, буду располагать чем-нибудь новеньким.

– Звучит оптимистично, а я пока предприму кое-что сама.

– Так ты говоришь, его чуть не сбила машина? – глаза Кряжимского засверкали.

Вот он, инстинкт журналиста. Жажда новизны и сенсаций сидит в крови каждого, кто связан с нашей работой.

– Представляете, – решила я его раззадорить, – статью с заголовком: «Кто хочет смерти Александра Шилкина?»

– А ты уверена, что это было покушение, может, тебе показалось? – засомневался Кряжимский.

– Нет, не показалось. Жаль, что сам Шилкин не верит в покушение. Или он что-то скрывает, или слишком смелый, или...

– Кому-то не угодил, и ты хочешь это выяснить?

– Поживем – увидим, – отделалась я от дальнейших расспросов этой банальной поговоркой.

Я встала с кресла и направилась к двери.

– А кофе? – показал Кряжимский глазами на недопитую мной чашку.

– Рассчитываю попить в другом месте, – загадочно произнесла я, давая лишний повод Кряжимскому заподозрить во всей этой истории с Шилкиным мой личный интерес.

Сев за рабочий стол, первое, что я сделала – набрала домашний номер Оксаны. Мне ответил недовольный заспанный голос, принадлежавший, очевидно, той самой Рите, о которой она мне говорила.

– Кто ее спрашивает? Она спит. А, подождите, идет.

– Привет, – поздоровалась я с Оксаной, – как дела?

– Как сажа бела, – услышала я в ответ, – сама понимаешь, после общения с ментами радости не прибавляется.

– Как насчет жилища Шилкина? У тебя, как я понимаю, сейчас досуг? – коряво от волнения выразилась я.

– Все в силе, – услышала я флегматичный голос Оксаны, – только как добираться будем?

– С этим нет проблем.

– У тебя тачка? – в голосе Оксаны послышалась уважительная нота.

– Говори, когда будешь готова. Я за тобой заеду, – вместо ответа сказала я.

– Через час.

– О'кей.

* * *

Заехав по дороге в магазин, где продавалось все для наших братьев меньших, начиная с корма и кончая цивилизованным собачьим и кошачьим туалетом, я купила то, что сочла необходимым для Матильды. Продавец с доброй, как у Дроздова, улыбкой объяснил мне, что сухой корм котенку лучше размачивать в молоке. Я поблагодарила, взяла покупки и села за руль. Минут через десять я уже сигналила у ветхого деревянного строения с покосившимися ступенями и кривыми оконными рамами. Несмотря на шаткость и затрапезный вид, домик хранил какое-то неуловимое очарование. Очарование старины, как определила я для себя.

После первого же сигнала клаксона дверь отворилась, и одетая в нутриевую шубу Оксана вышла на крыльцо. Она приветливо улыбнулась мне и поспешила к машине.

– Молодец, – похвалила я ее, – оперативно.

Ее лицо хранило следы вчерашнего переутомления: она не выспалась.

– Так, едем прямо, – устраиваясь в кресле, сказала она, – дальше – покажу.

Оксана откинулась на спинку и, достав пачку «LM», вопросительно посмотрела на меня.

– Вагон для курящих, не волнуйся, – кивнула я, трогаясь с места.

– Неплохая тачка, – похвалила она. – Сама заработала или предки подарили? А может...

– Нет, – прервала я ее, – всему, что я имею, я обязана только себе и «Никону».

– Это твой парень, что ли? – не поняла она.
– Да какой парень, – усмехнулась я, – «Никон» – это фотоаппарат.
– Ты че, тоже фотохудожник, – она уважительно посмотрела на меня, – как Александр?
– Вроде того, – кивнула я. – А вообще-то таких, как я, называют папарацци. Мне это больше нравится.

– Это которые Диану убили? – Оксана сделала презрительную гримасу.
– Никого они не убивали. В истории гибели Дианы еще много неясного.
– Здесь направо, – подсказала Оксана.
Я чуть не проскочила поворот.
– Может, ты мне скажешь дорогу, а то, не ровен час, врежемся куда-нибудь? – занервничала я.

– Не знаю, как называется это место, – эмоционально произнесла Оксана, – въедем на гору, там покажу, куда дальше.

В конце концов оказалось, что едем мы в направлении поселка «Новый», что на Соколовой горе. Мы выехали к КП ГИБДД, свернули направо, попетляли по серпантину загородной дороги и, обогнув деревянные одноэтажные домишки, попали в современный даже по западным меркам поселок.

Здесь не было ни деревянных домов, ни одноэтажек. Единственным недостатком поселка, как мне показалось, явилась большая плотность застройки: дома лепились один к другому. Я вспомнила, что закладывался поселок в самом начале перестройки, когда землю под строительство выделяли еще по старым нормам – четыре сотки на строение. Тем самым сводилось на нет стремление владельцев к обособленности.

Дюкова прервала мои размышления.

– Приехали, – сказала она.

Я огляделась. В десяти метрах от проезжей части начинался участок, а еще через такое же расстояние, за высоким ажурным забором, возвышалось краснокирпичное двухэтажное строение, напоминавшее узкими стрельчатыми окнами готический замок, но одновременно похотливое своей тяжеловесностью и приземистостью на замок романский.

– Значит, здесь обитает знаменитый фотохудожник Александр Шилкин? – Я посмотрела на Дюкову.

– Здесь, – кивнула она. – Ну что, пошли?

– Куда?

– Разве ты не к Шилкину приехала? – удивилась она.

Я отрицательно покачала головой.

– Мне только хотелось узнать, где он живет.

Развернувшись, мы поехали в город. Дюкова казалась разочарованной. Она была настроена на приключение. Чтобы как-то развеять ее и отблагодарить, я предложила:

– Хочешь, пообедаем где-нибудь. Я угощаю.

Глаза Оксаны загорелись:

– Да я не против, тем более что еще и не завтракала. Только мне переодеться надо.

– Ты разве не одета? – удивилась я.

– Надо еще Ритку предупредить, чтобы не ждала меня, – пробормотала Оксана.

– Ладно, поехали переодеваться, – согласилась я.

Когда я затормозила у дома, где жила Дюкова, часы на приборном щитке показывали половину первого. Вся наша поездка в оба конца заняла немногим более тридцати минут. Не так уж далеко живет господин Шилкин.

– Пошли, посмотришь, как мы живем, – пригласила Оксана, выбираясь из машины. Я согласилась. Комната девушек была оклеена веселенькими обоями в цветочек. Полы поскрипывали под каждым нашим шагом, словно вздыхали.

Дюкова познакомила меня с Ритой и быстро шмыгнула в смежную комнату, оставив наедине со своей подругой. Та села на продавленный диван, а мне предложила кресло, покрытое клетчатым пледом.

Я осмотрелась.

Потолки в комнате были низкими, но она казалась просторной и уютной. В углу на облезшей тумбочке стоял телевизор «Самсунг», на столе лежала стопка разноцветных журналов типа «Отдохни». Вскоре появилась Оксана. Вместо короткой юбочки на ней был темный брючный костюм и кремовая кофточка, на ногах – черные полусапожки на огромном каблуке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.